

Слово

на третью пассію¹⁾.

О крестоношеніи.

Посредѣ двою разбойнику мѣрило праведное обрѣтется крестъ твой, Господи: овому убо низводиму во адъ тяготою хуленія, другому же летящему отъ прегрѣшеній къ познанію богословія. (Изъ службы девятаго часа).

Предъ наши взоры, возлюбл. бр., чрезъ чтеніе евангельскаго повѣствованія, предсталъ сейчасъ образъ, „егоже ужась есть видѣти“, образъ поруганнаго, оплеваннаго, заушеннаго и, наконецъ, распятаго на крестѣ Господа нашего Іисуса Христа. Повѣствуя о страданіяхъ Господа, евангельскій бытописатель останавливаетъ наше вниманіе на такой подробности, имѣвшей мѣсто на Голгофѣ: „ведяху и ина два злодѣя съ Нимъ убити, и егда придоша на мѣсто, нарицаемое лобное, ту распяша Его и злодѣя, оваго убо одесную, а другаго ошуюю“. (Лук. 23; 32—32). Изъ этого сказанія евангелиста мы видимъ, что послѣднія минуты земной жизни Господа протекли среди двухъ злодѣевъ, обреченныхъ за свои злодѣянія на ту же позорную смерть, на которую неправедно осужденъ былъ и безгрѣшный Спаситель міра. По неисповѣдимымъ путямъ премудрости Божіей волютившемуся Слову Божію, пришедшему на землю спасти погиба-

¹⁾ Произнесено въ великой церкви Кієво Братскаго монастыря 27 февраля 1909 года.

вшею въ беззаконіяхъ человѣчество, предстояло и смерть свою пріять посреди двухъ нарушителей закона, или, по выраженію древняго прозорливца, „со беззаконными вмѣнись“ (Ис. 53, 12). Два обѣщенныхъ со Христомъ злодѣя не одинаково относились къ Нему и тѣмъ какъ бы отобразили отношеніе къ Распятому и со стороны всего человѣчества. — „Единъ же отъ обѣщенныхъ съ Нимъ злодѣель хуляше Его, глаголя: аще Ты еси Христосъ, спаси себѣ и наю. Отвѣщавъ же другій, прещаше ему, глаголя: ни ли ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси; и мы убо въ правду: достойная по дѣломъ нашимъ восприѣмлема, сей-же ни единого зла сотвори. И глаголаше Іисусови: помяни мя, Господи, егда придеши во царствіи си“ (Лук. 13, 39—42). — Видъ Божественнаго Страдальца произвелъ до противоположности различное дѣйствіе на сораспятыхъ съ Нимъ разбойниковъ. И тотъ и другой одинаково были очевидцами и соучастниками страданій Христовыхъ; и тотъ и другой видѣли хотя и скорбный, но полный незлобія ликъ Іисусовъ; до слуха того и другого долетали снизу хулы и глумленія отъ подножія крестовъ изъ устъ собравшейся толпы и среди этихъ хуленій—такія необычныя названія Распятаго: „Христосъ“, „Царь израилевъ“, „Сынъ Божій“. До слуха обоихъ разбойниковъ достигъ и отвѣтъ Іисуса на раздававшіяся снизу ругательства, отвѣтъ необычайный: „Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо что творять“. Но все это видѣнное и слышанное разбойниками не одинаково подѣйствовало на нихъ. Одинъ не тронулся видомъ необычнаго Страдальца, въ предсмертной и потому безсильной уже злобѣ, сталъ поносить Распятаго съ нимъ; другой, напротивъ, проявилъ самую сильную степень вѣры и вылилъ эту вѣру въ краткой, но также необычайно сильной, по ея внутреннему убѣжденію, молитвѣ: „Помяни мя, Господи, егда придеши во царствіи Твоемъ“.

СЛОВО.

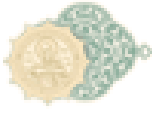
Такъ, братіе, крестъ Христовъ явился *мѣриломъ праведнымъ* для обѣщанныхъ по сторонамъ этого креста злодѣевъ, тѣмъ пробнымъ камнемъ, на которомъ получили испытаніе ихъ сердца, ихъ души, ихъ способность къ воспріятію величайшихъ истинъ ученія Христова, котораго, быть можетъ, они и не слышали. Крестъ Христовъ, по выраженію церковной пѣсни, явился въ данномъ случаѣ какъ бы вѣсами, одна чашка которыхъ обремененная тяготою хуленія „единого отъ обѣщенныхъ“ низверглась даже до ада, а другая вознеслась съ облегченной покаяніемъ и вѣрою душой благоразумнаго разбойника даже до райскихъ высотъ.

Какъ было на одномъ уровнѣ съ крестомъ Христовымъ, такъ было и у подножія его. И здѣсь мы видимъ двойственное отношеніе къ Распятому, и здѣсь Его страдальческій видъ вызывалъ до крайности противоположныя чувства въ окружающихъ Его. Съ одной стороны, у подножія креста Христова мы видимъ толпу фарисеевъ, съ злорадствомъ и притворнымъ педоумѣніемъ спрашивавшую: „Иныя спасе, себе ли не можетъ спасти“ (Мѡ. 27, 42); съ другой стороны, предъ нами группа лицъ, всей душой преданныхъ Божественному Страдальцу, плачущихъ и стѣнящихъ надъ поруганіемъ и уничиженіемъ Его: это Богоматерь, „лице со власы терзающіи“, любимый ученикъ Христовъ и нѣкоторые изъ женъ, будущихъ мирносолицъ. И изъ мимоходившихъ, одни „хуляху Его, покиваяще главами своими“ (Мѡ. 27, 39), другіе „пришедшіе на позоръ сей, видяще бывающую, біюще перси своя, возвращахуся“ (Лук. 23, 48). Вотъ кучка загроубѣлыхъ воиновъ, равнодушно раздѣляющихъ ризы Распятаго и мещущихъ жребій о нешвенномъ хитонѣ Его, но тутъ-же и сотникъ, который съ нѣкоторыми изъ стрегущихъ Иисуса, видя „трусѣ и вся бывшая“, со страхомъ восклицалъ: „воистину Божій Сынъ бѣ сей“ (Мѡ. 27, 54). И здѣсь, такъ обр., крестъ Христовъ явился мѣриломъ праведнымъ.

Предъ нами судилище Пилатово. И здѣсь видѣ Божественнаго Страдальца производилъ не одинаковое дѣйствіе на людскія сердца. Тутъ мы видимъ и озвѣрѣвшую толпу, излѣча вопіявшую: „распи, распи Его“, тутъ же мы слышимъ и кроткій голосъ жены Пилатовой, приславшей сказать своему слабодушному мужу: „не дѣлай ничего Праведнику Тому, потому что я нынѣ во снѣ много пострадала за Него“ (Мѣ. 27, 38).

Даже и въ тѣсный кругъ ближайшихъ учениковъ проникло раздѣленіе въ отношеніяхъ къ Своему учителю. Изъ двѣнадцати самыхъ близкихъ ко Христу нашлся одинъ, который за цѣну раба не убоился продать Безцѣннаго.

Что-же такъ раздѣляло современниковъ Христа въ ихъ отношеніяхъ къ Нему? Почему одни оставили все, чтобы идти вслѣдъ Его, а другіе, какъ хищные волки, слѣдовали за нимъ лишь для того, чтобы найти „удобно время“ и „яти Его“? Кое зло сотворилъ Христосъ во всемъ ненавидѣвшимъ Его? И здѣсь въ основѣ раздѣленія былъ крестъ Христовъ, Его проповѣдь о *Своихъ* крестныхъ страданіяхъ и проповѣдь о необходимости лишеній и страданій для всѣхъ, желающихъ слѣдовать за Нимъ и наследовать царство Его. Законопослужники израилевы, еврейскіе книжники и фарисеи, почивавшіе на законѣ Господнемъ, и не видѣвшіе въ своемъ гордомъ ослѣпленіи, что по этому закону спасеніе израилю и всѣхъ людей отъ грѣхъ ихъ должно произойти чрезъ Кого-то „язвеннаго“ и мученнаго“ за грѣхи людскіе (Ис. 53, 4—5), эти законники искали убить Іисуса за то, что Онъ, являя себя обѣтованнымъ, долгожданнымъ Мессіей, не пришелъ во славу и крѣпцей силѣ, не обѣщалъ и имъ земной славы и могущества, а наоборотъ, явился въ зракѣ раба, проповѣдывалъ, что Сыну человѣческому подобаетъ убіену быти, что царство Его нѣсть отъ міра сего и что всѣ исповѣдающіе Его предъ челоуѣки гонимы будутъ. По этой причинѣ и простой народъ еврейскій, чтя-

вшій въ Иисусѣ великаго пророка и чудотворца, когда услышалъ изъ устъ Его проповѣдь о страданіяхъ, о необходимости полного отреченія отъ благъ земныхъ, не понялъ и не принялъ ея, а когда увидѣлъ этого Чудотворца поруганнымъ и уничиженнымъ, сталъ въ изступленіи вопить: „распни, распни Его“. Не такого Мессію ожидали еврейскіе книжаики и законники, не такимъ хотѣли Его видѣть и простой еврейскій народъ; имъ нуженъ былъ могущественный царь, который вознесъ бы свой народъ надъ всѣми царствами міра, который далъ бы имъ всѣ матеріальныя блага, питалъ бы ихъ чудесно хлѣбомъ, превращая камни въ пищу, на потребность тѣлу. Вотъ что раздѣляло современниковъ Христа на друзей Его, которыхъ было немного, и ненавистниковъ. Это—проповѣдь о крестѣ, о необходимости страданій. Такимъ образомъ и во всей евангельской исторіи крестъ Христовъ явился мѣриломъ праведнымъ, раздѣлившимъ людей на двѣ неравныя части. И самъ Спаситель, не обвиняясь, говорилъ, что Онъ пришелъ воврещи не миръ на землѣ, но мечъ: „И раздѣлятся (изъ за Его ученія) отецъ на сына и сынъ на отца, мать на дочь и дщи на мать, свекры на неvěсту свою и неvěста на свекровь свою“. (Лук. 12, 51—53).

По воскресеніи Христовомъ проповѣдь о крестѣ Его также послужила предметомъ раздѣленія среди людей: для однихъ эта проповѣдь была юродствомъ, т. е., безуміемъ, для другихъ спасительною премудростію и силой Божіей. Одни съ радостію приняли ученіе о крестѣ и сами охотно восходили на кресты, другіе всѣми силами возстали противъ новаго, нечѣснаго съ ихъ точки зрѣнія, ученія, ибо оно въ корнѣ подрывало весь укладъ ихъ жизни, вмѣняло въ ничто—то, что служило цѣлью и смысломъ ихъ существованія, т. е., наслажденіе міромъ и благами его. Вотъ почему, въ то время, какъ въ мрачныхъ катакомбахъ раздавались гимны самой свѣтлой надежды, гимны въ честь Распя-

таго и Воскрешаго, на поверхности земли шла дикая расправа надъ исповѣдниками Распятаго, пылали факелы изъ живыхъ христіанъ, разъяренные звѣри терзали тѣла христіанскихъ мучениковъ на потѣху еще болѣе разъяренныхъ людей.

Но вотъ „буйство проповѣди“ о крестѣ стало побѣждать премудрость міра сего: христіанское ученіе пронеслось по всѣмъ концамъ земли, и многіе народы именуютъ себя теперь Христоносцами. И что же, прекратилось ли раздѣленіе изъ-за Христа и Его креста среди *христіанскихъ* народовъ?

Нѣтъ, бр., и среди христіанъ крестъ Христовъ остался мѣриломъ праведнымъ, и среди христіанъ являлись и являются лица, для которыхъ проповѣдь о Христѣ распятомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдь о необходимости сраспигаться Ему показалась буйствомъ и юродствомъ. На христіанской уже почвѣ возникли и возникаютъ ученія о Христѣ, какъ о великомъ человѣкѣ, но не Богочеловѣкѣ, мудрѣйшемъ учителѣ, но не воплотившейся Премудрости Божіей. Значенія крестныхъ страданій Христа, какъ не только Учителя, но и Спасителя міра, такія ученія не признаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христово ученіе (изъ котораго многіе выбираютъ только то, что имъ нравится) о необходимости нести на себѣ крестъ Его, о самоотреченіи, о полной готовности къ страданіямъ, нѣкоторые именующіе себя христіанами называютъ рабскимъ, постыднымъ для человѣка и съ гордостью заявляютъ, что они по крайней мѣрѣ свободны отъ него, сами того, конечно, не замѣчая, что дѣлаются ежедневно рабами своихъ страстей, сгорая въ огнѣ своей сатанинской гордости. И эти ярые враги креста Христова появились и появляются среди христіанъ, а не приходятъ инудѣ.

По милости Божіей такихъ явныхъ и ярыхъ враговъ креста Христова сравнительно немного среди христіанъ.

По крайней мѣрѣ мы съ вами, бр., какъ будто не принадлежимъ или не считаемъ себя принадлежащими къ врагамъ креста Христова. Мы вѣруемъ во Христа, какъ Богочеловѣка, спасшаго насъ силою крестныхъ страданій Своихъ, поклоняемся страstemъ Христовымъ, славословимъ и долго-терпѣніе Его. Страницы Евангелія, повѣствующія о страданіяхъ Христовыхъ, вызываютъ въ насъ чувство умиленія и сердечнаго сокрушенія, а иногда при чтеніи этихъ страницъ заблеститъ и слеза на рѣсницахъ нашихъ. Крестъ Христовъ мы считаемъ величайшею святынею, полагаемъ знаменіе его на себѣ, носимъ на груди своей изображеніе его. Изъ всего этого открывается, что мы, бр., какъ будто не на сторонѣ враговъ креста Христова, а наоборотъ, у подножія этого креста, какъ други и приближенные Господа.

Да, братіе, мы не считаемъ себя врагами креста и Распятаго на немъ. Но дѣйствительно ли мы читатели креста, дѣйствительно ли мы въ числѣ друзей Распятаго? Что служить показателемъ нашей вѣры во Христа, нашей любви къ Нему и полной надежды на Него. Крестъ Христовъ,—вотъ то мѣрило праведное, чрезъ которое испытывается наша вѣра, наша любовь, наше упованіе. И для насъ—„мѣрило праведное обрѣтется крестъ Господень“.

Мы приняли ученіе Христово, сопричтены къ избранному стаду Его, носимъ поэтому почетнѣйшее имя христіанина и, какъ знакъ своей принадлежности къ христіанству, имѣемъ крестъ на груди своей. Но исполняемъ ли мы завіты Христа, сего Божественнаго Крестоносца, все ли, что заповѣдалъ Онъ намъ, Онъ, положившій за насъ душу Свою, принявшій страшныя мученія на крестѣ и лютую смерть, все ли заповѣданное Христомъ хранимъ мы нерушимо и исполняемъ безпрекословно?

„Иже хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по мнѣ грядетъ: иже бо аще хочетъ душу свою спасти, погубитъ ю, а иже погубитъ душу свою

мене ради и евангелія, той спасеть ю“ (Мрк. 8, 34—35).—
Вотъ завѣты Того, имя Коего мы именуемъ.

„Иже кто хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себе“..
Мы, бр., изъявили свое хотѣніе идти во слѣдъ Христа, по
пути Его, изъявили это, когда сочетались Христу во св
тайнѣ крещенія, за что и получили обиліе даровъ Св. Духа
Но идемъ ли мы теперь путемъ Христовымъ? Этотъ путь—
путь самоотреченія и крестоношенія. Способны ли мы всѣмъ
своимъ существомъ, всѣми своими помыслами и всѣми чув
ствами прицѣпиться ко Христу, сдѣлать все отъ насъ воз
можное къ славѣ имени Его? Способны ли мы въ своемъ
служеніи Христу забыть себя, отвергнуть свое самолюбіе и
себялюбіе? Способны ли мы, наконецъ, положить душу свою
ради Христа и ради святого евангелія Его? Если мы чув
ствуемъ въ себѣ постоянно эту способность и дѣятельно
проявляемъ ее, то мы со Христомъ, мы угодобляемся Рас
пятому за насъ на крестѣ, Который всего Себя предалъ на
спасеніе міра. Но если во всей нашей жизни и дѣятельно
сти нами руководятъ нныя начала, если вездѣ и всегда мы
прежде всего ставимъ свое собственное я, заботимся лишь
о томъ, чтобы намъ было хорошо, если разумѣмъ подѣ
этимъ „хорошо“ сначала—матеріальное обезпеченіе, жиз
ненные удобства, а затѣмъ роскошь, излишества, удовлетво
реніе всѣхъ своихъ ненасытныхъ страстей, если такъ мы
живемъ, то мы не способны къ крестоношенію, а слѣдова
тельно и не можемъ идти по пути Христову, а если счи
таемъ себя спутниками Христа, то грубо обманываемъ себя

Вотъ предъ нами и самый тотъ крестъ, который мы
должны подыять на рамена свои, чтобы идти въ слѣдъ з
Христомъ. Крестъ этотъ—наши страданія, бѣды и скорби
которые встрѣчаютъ насъ на пути за Христомъ, ибо этотъ
путь, по слову Самого Путеводителя, есть путь скорбей и
лишеній: „въ мірѣ скорбни будете“ (Іоан. 16, 33). Для испы
танія своей способности къ крестоношенію, готовности не

сти крестъ свой, мы не будемъ пока брать тѣ бѣды и скорби, которыя должны принимать ради Христа и евангелія ради. Мы возьмемъ наши обычные страданія, наши обычные бѣды, которыя тоже называемъ мы крестомъ своимъ. При всемъ нашемъ стремленіи къ матеріальному благополучію, къ полному довольству, къ наслажденію возможно большимъ количествомъ благъ міра сего, сколько бѣдъ и скорбей выпадаетъ на нашу долю! Бѣды отъ сродникъ, т. е., нестроения въ семейной жизни, бѣды отъ потери имущества, скорби отъ трудно-излѣчимыхъ недуговъ, непріятности по службѣ или вообще неудачи въ занятіяхъ,—все это, какъ изъ рога изобилія, сыплется иногда даже сразу на нашу голову. И что-же? спокойно переносимъ мы всѣ испытанія, сохраняемъ твердость вѣры своей, можемъ ли мы проникновенно, а не на показъ и не для того, чтобы порисоваться предъ людьми, можемъ ли мы сказать: да будетъ на все воля Божія, Господь далъ, Господь и возьмъ? Не вырываются ли у насъ въ минуту нашихъ несчастій и скорбей хула и ропотъ на Бога, не забываемъ ли мы и совсѣмъ въ это время про Него, заняты лишь мыслью о томъ, какъ бы скорѣе высвободиться отъ неудачно сложившихся обстоятельствъ. А сколько примѣровъ отчаянія, сколько самоубійствъ мы видимъ въ наше время! Какіе же мы крестonosцы? Гдѣ же исполненіе нашей, когда то высказанной, готовности взять крестъ свой и идти вслѣдъ за Христомъ?

А сколько представляетъ намъ жизнь такихъ случаевъ, когда мы можемъ взять на себя и крестъ *Христовъ*, быть не только христіанами по имени, но и исповѣдниками за Христа. Скажутъ, теперь уже отошли въ область преданія вѣка мучениковъ; какъ же теперь можно исповѣдать Христа и пострадать за Него? Нѣтъ, братіе, наша современная жизнь съ ея условіями выдвигаетъ такъ много случаевъ, гдѣ поносится и хулится имя Христово, и слѣдовательно, такъ часто мы можемъ выступать на защиту этого святѣй-

паго имени, что поистинѣ наше время можно отождествить съ эпохой открытыхъ преслѣдованій христіанъ, съ эпохой гоненій, мученичества и исповѣдничества. Сколько разъ намъ представляется возможность выступить открыто съ проповѣдью о Христѣ, своими дѣйствіями обнаружить свою принадлежность къ христіанству. Мы видимъ, положимъ, въ какомъ либо дѣлѣ, въ коемъ по своему положенію принимаемъ участіе, явную несправедливость, явное попраніе законовъ Христовыхъ, мы сознаемъ, что-скажи мы одно слово, выступи съ обвиненіемъ или даже только съ указаніемъ на эту несправедливость, и она, быть можетъ, не была бы приведена въ исполненіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы чувствуемъ, что это наше выступленіе непріятно отзовется на нашемъ благополучіи, мы можемъ нажить массу враговъ, насъ могутъ лишити всякаго обезпеченія. И что-же? Мы предпочитаемъ молчать и это свое молчаніе стараемся оправдать ссылкой на свое положеніе: у насъ де семья, у насъ малолѣтнія дѣти, намъ, наконецъ, всякое безпокойство вредно для здоровья. Забываемъ мы при этомъ слова Господа: „иже любитъ отца своего или мать, сына или дочь паче мене, нѣсть мене достоинъ“ (Мѣ. 10, 37). Гдѣ-же наша вѣра, наша готовность понести крестъ?

И видимъ мы, братіе, что дотолѣ, пока все у насъ благополучно, мы какъ будто—христіане, но какъ только представится случай принять на себя крестъ Христовъ, мы не находимъ въ себѣ силы къ этому подвигу и уклоняемся отъ него.

Итакъ, братіе, крестъ Христовъ и для насъ является мѣриломъ правды, пробнымъ камнемъ нашей вѣры, какимъ былъ онъ для обѣщенныхъ со Христомъ злодѣевъ. Если мы чувствуемъ въ себѣ силы къ крестоношенію и всегда готовы послѣдовать Христу имѣя крестъ свой, то мы поистинѣ блажены: наше мѣсто съ благоразумнымъ разбойникомъ, наслѣдовавшимъ царство небесное и за малый гласъ, слу-

жившій выраженіемъ его великой вѣры. Но если мы, хотя и считаемъ себя христіанами, но на каждомъ шагу своей жизни уклоняемся отъ того, чтобы хоть малою частью своего существа пожертвовать ради Евангелія, то мы, хотя и не хулящіе Христа словами, но охуляющіе Его всею своею жизнью, мы недалеко ушли отъ безумнаго разбойника и примемъ лишнее осужденіе. Намъ много дано отъ Христа, но мы ничего не даемъ Ему, а кому много дано, съ того много и взыщется.

Для того и предлагаетъ намъ святая церковь торжественно-скорбныя службы, посвященныя воспоминанію и прославленію страстей Христовыхъ, для того и предлагаетъ сказанія самовидцевъ о страданіяхъ Спасителя нашего, чтобы мы, взирая на эти страданія, чаще и чаще раздумывали надъ своею жизнью. достойны ли мы всего того, что подъялъ за насъ безгрѣшный Избавитель нашъ, принимаемъ ли мы хоть малое участіе въ страданіяхъ Христовыхъ. И если мы, къ ужасу своему, увидимъ, что, хотя и носимъ крестъ Христовъ на груди своей, но не имѣемъ этого креста въ сердцѣ своемъ и не хотимъ нести его въ жизни своей, то поспѣшимъ съ пламенной, горячей молитвой къ Распятому, и Онъ подастъ намъ силы поднять Его крестъ, лишь бы эта молитва была выраженіемъ нашего твердаго, безповоротнаго рѣшенія идти по стопамъ Христовымъ и не уклоняться въ пути кривыя и развращенныя. Воскликнемъ тогда вмѣстѣ съ разбойникомъ: помяни насъ, Господи, во царствіи Твоемъ, и Господь помянетъ насъ, ибо и мы вспомнили о Немъ и дасть намъ силу и крѣпость явить свою вѣру отъ дѣлъ своихъ. Аминь.

В. Прилуцкій.